

— *Pio-Jанейро*, опъ 2го Ноября. Въ достовѣрныхъ письмахъ изъ Моншевидео, опъ 2-го н. сп. пишушь слѣдующее: „Въ Буэносъ-Айресъ возникли смяшенія. Губернаторъ и Альвеаръ, взяты подъ стражу и опсрвлены въ провинцію Мендозу. Всѣ требуютъ мира. Тайна о продолженіи войны, какъ кажется, сдѣлалась гласною, и сіе было причиною смяшеній.“

— Опустошенія, причиненныя въ Англіи послѣднимъ ураганомъ, гораздо значительнѣе нежели, какъ полагали. Берега Англіи, Ирландіи и Шотландіи ознаменованы ужасами бури. На сушѣ вырваны съ корнемъ деревья, разрушены дома, дороги занесены глыбами снѣга, и долины наводнены; на морѣ, буря распространила опустошенія на островахъ Британскихъ, на берегахъ Голандіи, Норвегіи и всего Сѣвернаго моря. Судя по многочисленности кораблекрушеній, случившихся на берегахъ Англіи, несчастія послѣдовавшія на сѣхъ великомъ пространствѣ, должны бытъ несмѣшны.

— Договоръ заключенный между Мексикою и Великобританіею, обнародованъ въ Мексикѣ 2го Ноября.

— Говорять, что Англійское Правительство назначило вдовѣ Каннинга пенсію въ 8000 фунт. стерл. (200,000 р.)

— Въ Парижѣ скончался молодой Поэтъ Пина, Авторъ Трагедій Леонидъ и Вильгельмъ Тель. Король пожаловалъ его вдовѣ бѣльшую часть пенсіона, который получалъ ея мужъ.

— Замѣчено, что въ разныхъ столицахъ Европы въ печеніе нынѣшней зимы заведены иноязычныя Театры: въ Петербургѣ Италійскій, въ Парижѣ Англійскій, въ Лондонѣ и въ Берлинѣ Французскій.

— Во время послѣднихъ урагановъ, сорвало верхушкы съ знаменитой оспроконечной горы (Пика) на островѣ Teneriff: пещеръ она ниже и имѣеть другой видъ.

— По официальному донесенію Военнаго Министра, Испанская армія въ концѣ 1827 года состояла изъ 91,000 чел. регулярнаго войска и 350,000 Королевскихъ волонтеровъ.

(Изъ Гамб. и Берл. Вѣд. *Allg. Z. Oestr. Zeit. Gazette de France, Zufasser.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М о с к в а (*).

(Изъ *Евгенія Онегина.*)

Москва! Россіи дочь любима!

Гдѣ равную тебѣ сыскашь?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы!

Баратынскій.

Гонимъ на Москву! что значить видѣть свѣтъ!

Гдѣ жь лучше? — гдѣ насъ нѣтъ.

Грибодовъ.

. . . . Предъ ними

Ужъ бѣлокаменной Москвы

Какъ жарь креслами золотыми

Горятъ старинныя главы.

(*) Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ Журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго Автора помѣщаемъ оный съ поправками въ Св. Пч. — Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина (NB съ его позволенія) никогда не можеть быть излишнимъ. *Изд.*

Ахъ, братцы, какъ я былъ доволенъ,
Когда церковью и колоколенъ
Садовъ, чершоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва! какъ много въ эпоху звукъ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ тебѣ ошозвалось!

*

Вотъ окруженъ своей дубравой
Петровской замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣно преклоненной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ — не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отсель въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель нащей славы,
Петровской замокъ! Ну, не стой,
Пошелъ! — Уже столицы зашавы
Бѣлѣютъ; вопи ужъ по Тверской
Возокъ летитъ черезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо рѣльа, бабы,
Матчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, будки, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крышахъ.

*

По скучнымъ родственнымъ обѣдамъ
Развозить Таню каждой день,
Представитъ бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣяную лѣнь.
Родитъ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья и хлѣбъ-соль.
Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила!
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ вряпикомъ кормила!
И хорошь бабушки твердятъ:
Какъ наши годы-то летятъ!

*

Но въ нихъ не видно перемѣны,
Все въ нихъ на старой образецъ:
У тетушки Княжны Елены
Все толь же июлевый чепецъ;
Все бѣлился Лукерья Львовна;
Все то же лежитъ Любовь Петровна;
Иванъ Петровичъ также глупъ;
Семень Петровичъ также съуль;

У Пелагеи Николавны
Все шопъ же другъ мосье Финмушъ,
И шопъ же шницъ, и шопъ же мужъ.
А онъ все клуба члень исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также важно ловишь мухъ.

*

Ихъ дочки Таню обнимають;
Младья Грации Москвы
Сначала молча озирають
Кузину съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ право недурной.
Пошожъ, покорсивуя природѣ,
Дружашся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, ильню руки жмутъ,
Взбизаютъ будри ей по модѣ;
И повѣряють на распѣвъ
Сердечны шайны, шайны дѣвъ:

*

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой лсккой клеветы;
Потомъ, въ отпизлашу лепешанья,
Ея сердечнаго признанья
Умилно шребуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышишь безъ участья,
Не понимая ничего;
А шайну сердца своего,
Залогъ и горестей и счастья,
Хранишь печально между шѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

*

Ташьяна вслушавъся дѣлаеть
Въ бесѣды, въ общи разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиниой занимаеть
Такой безсвязной, пошлой вздоръ, —
Все въ нихъ такъ вяло, равнодушно,
Они клеветцуютъ даке скучно, —
Въ бесплодной сухости рѣчей,
Разспросовъ, сплешень и въспей,
Не вспыхнешъ мысли въ цѣлы сущки,
Хопъ невзначай, хопъ на обумъ,
Не улыбнется помнои умъ,
Не вздрогнешъ сердце хопъ для шупки,
И даке глупости смѣшной
Въ шебъ не встрѣпишь, свѣтъ пустой!

*

Архивны юности полною
На Таню чопорно глядяшъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говоряшъ.
Одинъ какой-то шупъ печальной
Ее находишь идеальной,
И прислонившись у дверей,
Элегно гошовишь ей.
У скучной шельми Таню встрѣтя,
Къ ней какъ то В. подѣлъ
И душу ея занять успѣлъ.
И близъ нея его замѣшя,

Объ ней, поправа свой парикъ,
Освѣдомляеться спаришь

*

Но шамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжко раздаеться вой,
Гдѣ машеть машией мишурной
Она предъ хладною толпою, —
Гдѣ Ташя шихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одною
Дивишся зришель молодой, —
(Что было также въ предши лышя,
Во время ваше и мое), —
Не обрапились на нее
Ни дамъ ревнивыя лорнешы,
Ни шрубки модныхъ знашочковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

*

Ее привозятъ и въ собранье
Тамъ шѣсноша, волнение, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣтъ блистанья,
Мельканья въ вальсѣ быспрыхъ паръ,
Красавиць легкыя уборы,
Людьми пестрѣющыя хоры,
Цевѣсть обширныи полушругъ,
Все чувства поражаеть вдругъ.
Здѣсь кажуть франши записныя
Пустую голову, корсетъ,
И невнимательныи лорнешъ.
Сюда гусары опшускныя
Спѣшантъ явиться, прогремѣтъ,
Бѣснуетъ, плѣнишь и улемѣшь.

*

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавиць много на Москвѣ;
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ, —
Но та, кошорую не смѣю
Тревожишь лирою моею,
Какъ величавая луна,
Средь жень и дѣвъ блестящя одна. . . .
Съ какою гордостью небесной
Земли касаеться она!
Какъ нѣгой грудь ся полна!
Какъ шомень взоръ ея чудесной!
Но полно, полно, перешанъ,
Ты заплашилъ безумшву данъ.

*

Шумъ, хохотъ, бѣгошя, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ. — Межъ шѣмъ,
Между двухъ шешокъ у колонны,
Незамѣчаема шильмъ,
Ташьяна смошришь и не видишь,
Волнение свѣша неавидишь,
Еи душно здѣсь. . . она мечпшой
Стречишся къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ леться шихий ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ явился си

А Пушкинъ.